СЕРГЕЙ ХОЛОД

ВАША КВАРТИРА ПУСТА

Сергей Холод

Ваша квартира пуста

«Автор»
2026

Холод С.

Ваша квартира пуста / С. Холод — «Автор», 2026

Анна сидит за кухонным столом, когда получает отчёт об осмотре квартиры. На фотографии — знакомое окно, пятно на стене и голый пол. Ни стола, ни холодильника, ни вещей. Под снимком — её адрес и короткая фраза: «Ваша квартира пуста».Вскоре исчезает пожилой сосед. Его телефон отвечает на сообщения, но самого человека никто не видит. А в дверь Анны пытается войти незнакомец со своим ключом.Пытаясь найти соседа, Анна добирается до документов, которые много лет хранила её мать. Мать уже не сможет ничего объяснить. Люди, способные рассказать правду, предпочитают молчать. Анна начинает собственное расследование — и понимает, что некоторые ответы ей самой страшно услышать.

© Холод С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фотоотчёт 5
Глава 2. Измерительная ошибка 12
Глава 3. Восьмая цифра 18
Глава 4. Чужой голос 25
Глава 5. Кто говорит за Илью 31
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Сергей Холод
Ваша квартира пуста

Глава 1. Фотоотчёт

На фотографии не было стола.

Анна сидела за ним, придерживая локтем край рулетки. Сначала она заметила только это: на месте стола лежала полоска света. Потом увидела, что нет холодильника, коробок возле окна, стула с перевязанной ножкой. Вместо линолеума — серый пол, на котором темнели следы клея.

Она пошевелила ногой. Под тапочкой скрипнул линолеум.

Сообщение пришло из «Соседей», приложения для показаний счётчиков. Обычно оно напоминало об оплате за три дня до зарплаты. Сегодня предлагало оценить выполненную работу.

«Плановый осмотр завершён. Ваша квартира пуста. Замечаний нет».

Под фотографией стояли её адрес и номер квартиры. Сорок семь.

Анна поставила чашку на лист с размерами чужой кухни. Кружок чая расплылся поверх цифры. Это был чистовой лист, и от досады она чуть не закрыла уведомление: весь вчерашний вечер исправляла чертёж после того, как заказчик решил оставить старый холодильник. Теперь придётся переписывать.

Над окном на снимке проступало тёмное пятно. Два уха, длинная спина, тонкий хвост.

Она подняла голову.

Собака была на месте.

Так называла пятно мама. После протечки она месяц ходила в управляющую компанию, добилась покраски потолка и отказалась красить стену. Сначала почините крышу, говорила она. Крыша находилась тремя этажами выше, но мама привыкла указывать виновным направление.

На фотографии собака выглядела меньше. Анна увеличила её двумя пальцами. Картинка распалась на квадраты.

Она проверила время осмотра: девять восемнадцать.

Сейчас было девять двадцать четыре.

С восьми она сидела здесь. Встала один раз, достать чай. Дверь была заперта на два замка, из которых нижний открывался так тяжело, что она уже неделю собиралась вызвать мастера.

Анна нажала на имя исполнителя. Появились пять пустых звёзд. Под ними — «Вопрос решён».

Номер диспетчерской нашёлся на квитанции. Квитанция лежала под сахарницей, хотя сахаром Анна не пользовалась. Мама пользовалась. За три недели Анна убрала из этой квартиры четыре мешка вещей и всё ещё не могла переставить сахарницу.

— Аварийная, слушаю.

— Мне пришёл отчёт об осмотре. Никто не приходил.

— Адрес?

Анна продиктовала. Женщина на другом конце попросила говорить медленнее. За её спиной работало радио, кто-то выигрывал кофемашину.

— Что у вас? Вода, отопление?

— У вас написано, что квартира пустая.

Застучали клавиши.

— Сорок седьмая? Доступ не требуется.

— Я здесь живу.

— Вы собственник?

— Да.

Слово прозвучало непривычно. Анна всё ещё говорила «у мамы», хотя в зелёной папке на холодильнике лежали документы, после которых мама стала прежним собственником. Наследство оформили в августе. Павел предложил продать квартиру сразу, но Анна попросила дать ей время разобрать вещи. Потом ещё время. В октябре хозяйка её съёмной квартиры предупредила, что в декабре туда въедет сын, и Анна перевезла сюда два чемодана.

— Фамилия?

— Левина. Анна Сергеевна.

— Имя у меня другое.

— Марина Павловна. Мама умерла в феврале.

В трубке стало тише. Женщина, кажется, прикрыла ладонью микрофон и что-то сказала человеку рядом.

— По смене плательщика обращайтесь в расчётный отдел. С десяти.

— Мне не плательщика поменять. Кто был у меня в девять восемнадцать?

— У вас что-то пропало?

Анна посмотрела на стол, к которому прилипла её ладонь. Старый лак размягчался от горячих чашек.

— Нет.

— Тогда оформляю обращение инженеру.

Она записала номер на мокром листе. Получилось двенадцать цифр, последняя съехала в чайное пятно.

Когда разговор закончился, Анна сохранила фотографию. Отправила себе письмо с изображением и снимками экрана — привычка после заказчика, который удалил переписку о цвете фасадов и три недели требовал бесплатно заменить кухню. Потом встала в дверном проёме и попробовала снять свою кухню с того же места.

Окно не помещалось целиком.

Анна отступила и упёрлась спиной в стену. Включила широкоугольный режим. Окно вошло в кадр, но стол раздулся, края дверного проёма выгнулись. В присланной фотографии вертикали были ровными.

Она подняла телефон, сравнивая кухню со снимком. Пятно было похоже. Труба проходила там же. Подоконник — такой же широкий, с облупленным торцом. Но что-то не сходилось в расстоянии до окна.

В дверь позвонили.

От неожиданности она ударилась локтем о косяк. Телефон остался в руке. Анна постояла, пережидая боль, потом пошла открывать.

За дверью курьер читал наклейку на пакете.

— Сорок восемь?

— Напротив.

— Там не отвечают. Илья Андреевич написал: оставить у соседки, если девушка дома.

Он показал экран. «47, если девушка дома». Анна почувствовала короткую, нелепую благодарность за слово «девушка».

— Давайте.

Курьер поднял с пола второй пакет. В боковом кармане была бутылка молока, горлышко запотело. Он придержал её большим пальцем, передавая Анне.

— Вы ему скажете? А то я звоню, выключен.

— Скажу.

Курьер ушёл, подталкивая перед собой жёлтый короб. У лифта короб зацепился за незакрывающуюся створку, курьер выругался вполголоса. Обычное утро. Анна почему-то ждала, пока лифт уедет.

Дверь квартиры напротив была обита коричневым дерматином. Медная восьмёрка висела чуть ниже четвёрки. Анна помнила, как под цифрами когда-то висела табличка «Мельниковы». Она смотрела на неё каждый раз, когда звонила соседям.

Илья Андреевич дважды забирал её посылки. Неделю назад впустил человека, который приехал к Анне обсуждать шкаф и перепутал адрес. К тому времени, когда она вернулась, они уже пили чай, а сосед объяснял гостю, почему современные усилители трудно чинить. Человек ушёл без шкафа, но с обещанием принести неисправную колонку.

Вчера Илья Андреевич попросил сверло.

Тонкое, сказал он. На пять минут.

Анна ответила, что посмотрит. Потом Павел позвонил насчёт покупателя, за ним Лиза — насчёт перенесённого замера. Про сверло она забыла.

Она поставила продукты в прихожей и позвонила соседу. Звонок за дверью звучал сухо и коротко. Анна дождалась, постучала костяшкой пальца в обивку.

Никто не подошёл.

Она набрала номер из контакта «48, Илья». Автоматический голос предложил позвонить позднее. Анна написала про продукты, добавила: «Сверло сегодня найду».

Дверь на лестницу открылась. Мужчина в серой куртке остановился на площадке, как будто сверял этаж. В руке у него был планшет в толстом чёрном чехле. Мокрые волосы лежали короткими прядями; на шее, над воротом, белела полоска кожи.

— Сорок седьмая?

— Вы по моей заявке?

— Уточнение по осмотру. Денис. Техническая служба.

Анна немного отодвинулась от своей двери. Пакет мешал закрыть её.

— Быстро вы. Я только что звонила.

— На объекте был.

Он смотрел в коридор. Из кухни виднелся угол стола.

Анна подняла телефон.

— Кто это снимал?

Денис посмотрел мельком.

— Бывает ошибка привязки. Вы постоянно здесь?

— Последнее время.

— И сегодня с утра?

— Да.

Он провёл пальцем по планшету, не сводя глаз с Анны.

— Паспорт, выписку покажете? Исправим карточку.

— А удостоверение у вас есть?

Денис поднял глаза. Усталые, чуть воспалённые. Он был моложе, чем показалось сначала.

— Я подрядчик.

— Тогда название организации.

— В задании указано.

— Покажите.

Он не повернул планшет.

На нижнем этаже хлопнула дверь. Денис посмотрел в сторону лестницы, потом снова на Анну.

— Инженер свяжется. Без него всё равно не получится.

— Моя фамилия в задании есть?

Он убрал планшет под мышку.

— Вы лучше не держите дверь открытой. Здесь ходят все подряд.

Сказал спокойно, даже доброжелательно. Перед уходом задержался возле сорок восьмой. Анна ждала, что он позвонит, но он только посмотрел на замок.

Она закрыла дверь ногой, сдвинув пакет. Нижний замок заело на пол-оборота. Пришлось приподнять ключ, как учила мама.

В телефоне мигнуло новое сообщение. Анна подумала, что ответил Илья Андреевич, и открыла приложение.

Фотографии там уже не было.

«Уведомление отозвано отправителем».

Она нашла отправленное себе письмо, увеличила нижний край снимка. Возле стены лежала красная вещь, которую в первый раз она приняла за обломок кирпича. Теперь было видно отверстие для шнурка.

Дверной клин.

Илья Андреевич вырезал такие из пластиковых разделочных досок. На своём написал номер, чтобы не уносили с площадки.

На снимке читалась четвёрка. Вторая цифра не попала в кадр.

Анна вернулась к глазку. Площадка была пуста. Она убрала продукты в холодильник, оставив пакеты на виду, чтобы не забыть отдать их соседу.

* * *

Накануне вечером Илья Мельников держал в ладони винт и не мог вспомнить, откуда выкрутил.

На столе лежал блок питания от лампы. Четыре винта стояли в ряд на полоске липкой ленты, ещё два — возле паяльника. Этот, с острым концом, не подходил ни к одному отверстию.

Он убрал винт в банку. Потом снова достал.

На коробке с лампой Миша написал фломастером: «Дед, это мой». Так, словно у Ильи было несколько внуков с одинаковыми сломанными лампами. Буква «д» была похожа на стул. Илья провёл по ней пальцем, подвинул коробку к краю стола и встал.

В правом колене кольнуло. Он переждал, опираясь на стол, и выпрямился. На часах было без десяти восемь.

Через пять минут вернулась Анна.

Он услышал пакеты ещё на лестнице: лифт опять стоял между этажами, кто-то звал из него диспетчера. Илья открыл дверь, придержал Анне тяжёлую створку на площадку.

— Всё работает, — сказала она. — Только ехать не хочет.

— Характер у него.

Она улыбнулась, хотя ей было не до улыбок. Пакеты оттягивали руки, на пальце проступила красная полоска.

— Давайте помогу.

— Не надо, я уже.

Она поставила сумки и стала искать ключи. Илья заметил на рукаве белую пыль, потёр её ладонью. Стало только хуже.

— Аня, сверло тонкое есть?

— Насколько тонкое?

Он показал пальцами.

— На пять минут.

— Посмотрю. Дрель у брата, кажется. Вам только сверло?

— Может, и дрель. Если найдётся.

У неё зазвонил телефон. Она посмотрела на экран и отвернулась, ещё не ответив. Это движение он знал по собственной дочери.

— Сейчас положу всё и посмотрю.

— Не срочно.

Она уже открывала дверь. Илья мог сказать: срочно. Мог попросить пустить его на кухню, показать холодильник, признаться, что утром приходил старым ключом. В прихожей за её спиной стояли коробки с вещами Марины. На верхней лежала зелёная кофта, сложенная рукавами внутрь. Марина так не складывала.

— Спасибо, — сказал он.

Дверь закрылась.

В квартире было душно. Он повернул вентиль батареи и вспомнил, что тот не работает с прошлого года. Нужно было починить летом. Летом он собирался чинить многое.

Квартиру освобождали в четверг. Так было написано в последнем сообщении. Он прочёл его утром, поставил на зарядку телефон и пошёл в сорок седьмую с ключом, который Марина оставила ему много лет назад.

Анна уехала на замер. Он знал это, потому что видел из окна её машину и помахал ей. Она помахала в ответ.

Дверь открылась со второго раза. Он не собирался ничего брать у Анны. Ему нужны были бумаги, спрятанные за стеной в кухне. Он сам эту стену зашивал, и сам сказал Марине, что при необходимости хватит получаса.

За двадцать минут он сумел лишь сдвинуть холодильник на ладонь. Потом задняя ножка встала в продавленный линолеум. Илья потянул сильнее, выронил отвёртку и ударился грудью о дверцу. Боль была несильной, но знакомой. Он сел на табурет, дышал через нос, считая до четырёх, как учили в больнице.

Выйдя, он вытер ручку. После этого весь день не мог смотреть на свои руки.

Теперь вернулся в мастерскую и достал из нижнего ящика конверт. В нём была копия договора и лист с напечатанным сроком выезда. Когда-то Карпов называл этот лист формальностью. С тех пор формальность приходилось подписывать заново каждые несколько месяцев.

Илья достал очки, но надевать не стал.

На кухне пахло жареным луком. Он готовил на два дня, по привычке, и кастрюля была почти полной. Не зная, куда её деть, он накрыл крышкой.

Телефон зазвонил.

— Илья Андреевич, я внизу, — сказал Карпов. — Спускайтесь. Подпишем, и всё.

— Вы обещали продлить.

— Поэтому и приехал. Не по телефону же такие вещи.

— Поднимайтесь.

— Тут человек со мной. Из-за него и задержались. Десять минут, и я вас верну.

Илья посмотрел на конверт.

— Виктор Борисович, я завтра к дочери еду. Если действительно надо освобождать, дайте хоть до понедельника.

В трубке послышался поворотник. Карпов, наверное, стоял вторым рядом.

— Спуститесь, пожалуйста. Я вас на улице ждать буду.

Илья положил конверт во внутренний карман. Куртка висела у входа поверх старого пиджака. Он сначала надел её, потом снял, вспомнив про слуховой аппарат. Батарейка ещё работала; запасную он завернул в бумажку и положил в карман.

На лестничной площадке из-за двери Анны доносился голос. Она разговаривала с братом.

— Паша, я не буду сегодня это обсуждать.

Илья хотел позвонить ещё раз. Сверло теперь не понадобилось бы: Карпов приехал сам, мог дать время, мог и не дать. Но если Анна открыла бы, он, возможно, сумел бы объяснить ей хотя бы часть.

Из квартиры донеслось:

— Я сказала, не сегодня.

Илья пошёл к лестнице.

Карпов ждал у тёмной машины. Стоял без шапки, улыбался двум женщинам с собакой. Собака обнюхивала его ботинок. Карпов терпеливо не двигался.

— Холодно, — сказал он Илье и открыл заднюю дверь. — Садитесь. Тут недалеко.

— А человек?

— В офисе ждёт. Чай у них нормальный, не как у меня.

За рулём сидел мужчина, которого Илья раньше не видел. На указательном пальце у него был жёлтый пластырь. Мужчина не обернулся.

— Я домой к девяти должен, — сказал Илья.

— Конечно.

Карпов сел рядом. Илья поставил ноги на резиновый коврик. Из-под переднего сиденья торчал смятый детский рисунок: дом, синее окно, что-то красное на крыше. Он наклонился, чтобы поднять, но машина тронулась, и бумага ускользнула глубже.

Ехали мимо школы, где училась Лена. Одно окно в спортзале светилось, за ним медленно двигалось что-то белое. Сетка для волейбола. Илья видел, как её натягивают, и думал, что Мише было бы хорошо ходить в секцию. Потом вспомнил, что Миша уже ходит. Только не на волейбол.

— Телефон ваш можно? — спросил Карпов.

— Зачем?

— Договор прислали вам? Последнюю версию. У меня старая.

Илья достал телефон, разблокировал, открыл переписку. Карпов взял его, поднёс к глазам.

— Вот. Я же говорил, срок другой.

— Верните, я сам.

— Сейчас.

Они миновали поворот к офису. Илья смотрел в окно. Узнал заправку, за которой дорога уходила к складам.

— Вы где теперь сидите?

— Переехали. Там арендодатель совсем обнаглел.

Илья потянулся за телефоном. Карпов убрал его в карман пальто.

— Доедем — поговорим.

Слова были обыкновенные. Карпов и раньше так говорил, когда Илья начинал спорить. Но теперь он не улыбался.

Илья повернулся к двери. Под пальцами была гладкая ручка. Он потянул один раз, проверяя, и отпустил.

Водитель посмотрел на него в зеркало.

— Вы что, на ходу собрались?

— Мне домой надо.

Карпов поправил рукав, чтобы посмотреть время.

— Сначала поговорим.

Илья снова взялся за ручку. Подержал. За стеклом проплыл остановочный павильон, двое людей с пакетами и женщина, старавшаяся закрыть сломанный зонт. Он мог постучать в окно. Мог закричать. Машина уже разгонялась, а он всё пытался подобрать слова, после которых Карпов извинится за недоразумение и велит водителю повернуть.

Руку с ручки он убрал только за поворотом.

Глава 2. Измерительная ошибка

Заказчица открыла дверь в пальто.

— Я думала, вы уже не приедете.

Анна опоздала на семнадцать минут. По дороге она дважды останавливалась, чтобы позвонить в управляющую компанию, и оба раза попадала на занято. До квартиры на восьмом этаже поднималась пешком. Другой дом, другой лифт, тот же результат.

— Простите. Давайте начнём с кухни.

Заказчица не отошла.

— Мне в одиннадцать выходить.

— Успеем.

В прихожей сидел мальчик лет четырёх, в одной варежке. Он пытался застегнуть молнию на сапоге. Анна переступила через второй сапог и положила сумку на пол.

Муж заказчицы стоял у окна с чашкой. Он кивнул Анне, не прерывая телефонного разговора. На месте будущей кухни пока были розетки, трубы и четыре голые стены.

— Холодильник оставляем этот? — спросила Анна.

— Какой этот? У нас его ещё нет.

Она посмотрела в лист. Привезла чужой чертёж, залитый чаем.

Заказчица всё поняла по её лицу.

— Вы вообще наш заказ помните?

Анна убрала лист.

— Помню. Холодильник отдельно стоящий. Варочная на три конфорки, ящик под духовкой. Вы хотели поднять посудомойку, но тогда не остаётся места для ящика с бутылками.

Женщина немного смягчилась.

— Про бутылки это он хотел.

Муж у окна поднял свободную руку, признавая вину. Анна разложила инструменты. Лазерный дальномер, металлический угольник, карандаш. Последний был обгрызен с одного конца: Лиза брала его на выставку и вернула без объяснений.

Работа помогала. Нужно было смотреть на стену, а не на экран телефона. Проверять размер в двух местах. Помнить, что после плитки останется меньше. Не обещать дверцу, которая упрётся в батарею.

Мальчик появился в дверях и спросил:

— А красное больно?

— Это свет. В глаза не смотрим, и не больно.

Он протянул ладонь к лазерной точке на стене. Анна выключила прибор.

— Поможешь? Подержи вот здесь.

Мальчик прижал конец рулетки к углу. Заказчица открыла рот, собираясь запретить, но Анна уже сделала отметку.

— Отлично. Теперь свободен.

Ребёнок не ушёл. Остался следить за измерениями с важным видом.

На боковой стене была свежая заделка. Ровная полоса шириной с ладонь, ещё темнее остальной штукатурки. Анна спросила, что за ней.

— Электрик провода переносил, — ответил муж, закончив разговор. — Всё нормально.

— Схема есть?

— Зачем? Мы же шкафы заказываем.

Анна показала, где пройдёт крепёж навесных шкафов.

— Здесь сверлят. Если провод идёт наискосок, можем попасть.

— Нормально он идёт. По правилам.

Заказчица посмотрела на мужа.

— Ты говорил, фотографировал до штукатурки.

Он полез в телефон. Листал долго. Анна измерила глубину откоса, наклонилась к выводу воды, записала высоту.

Её собственный телефон завибрировал на подоконнике.

«Спасибо. Оставь у себя. Вернусь к вечеру».

Илья Андреевич.

Напряжение в плечах ослабло. Анна написала про клин и странный снимок. Сообщение прочли почти сразу.

— Вот, — сказал муж заказчицы.

На его экране был белый кабель, уходивший от розетки по диагонали. Как раз через будущую крепёжную планку.

— Хорошо, что нашли, — сказала Анна.

— Переделывать надо?

— Сначала посмотрим, можно ли сместить крепление.

Он явно ожидал упрёка. Не получив его, присел рядом с ней и впервые стал слушать внимательно.

Анна закончила в десять сорок семь. Заказчица сняла пальто, чтобы подписать лист на столе в комнате. Мальчик нёс за Анной рулетку, обеими руками, как чашку с водой.

— Я не хотела на вас с утра, — сказала женщина. — Просто мы здесь уже третий месяц. Коробки, коробки. Он говорит, осталось немного.

Она посмотрела на мужа. Тот делал вид, что читает договор.

— Я понимаю, — ответила Анна.

— У вас ремонт был?

— У меня переезд.

Этого оказалось достаточно. Женщина кивнула и убрала ручку в карман пальто.

На лестнице Анна перезвонила Лизе. Та ответила сразу:

— Жива?

— Замер сняла. Отправлю к обеду.

— Я не про замер.

Лиза была старше на три года и работала в салоне так давно, что новые сотрудники принимали её за хозяйку. Хозяйка этим пользовалась: Лиза отвечала на жалобы, находила фурнитуру и помнила, у кого из установщиков сейчас развод. Анне она могла сказать «жива?» таким голосом, что хотелось ответить честно.

— Утро странное.

— Насколько?

Анна рассказала про фотографию. Про мужчину с планшетом. Про дверь напротив не стала: сосед уже ответил.

Лиза помолчала.

— Замок поменяй.

— При чём здесь замок?

— Ты третью неделю собираешься. Я просто напоминаю.

Анна остановилась между этажами. На стене кто-то нарисовал простым карандашом домик. Внутри домика было написано грубое слово.

— У мамы запасные ключи у половины подъезда были, — сказала Лиза. — Ты сама рассказывала. Сантехник, сосед, ещё кто-то. Новый замок не помешает.

— У Ильи Андреевича. Он нормальный.

— Я не спорю.

— Сегодня вечером вызову.

— Записала.

Лиза сказала это без нажима, но Анна знала: вечером спросит.

На улице дождь стал мельче. Анна дошла до машины, открыла багажник и убрала сумку с инструментами. На заднем сиденье лежали мамины шторы в пакете для химчистки. Она возила их четвёртый день, потому что не могла решить, забирать ли потом обратно.

В телефоне ответили из диспетчерской. Не тот голос, что утром.

— По вашему обращению назначен инженер. Завтра, с десяти до двенадцати. Лебедев Александр.

— А Денис кто?

— Какой Денис?

Анна объяснила. Женщина попросила подождать. В трубке что-то зашуршало, потом послышалось: «Лёша, у нас Денис есть?» Мужской голос ответил неразборчиво.

— По вашей заявке никто не направлялся, — сказала женщина. — Сегодня у нас авария в третьем корпусе. Раньше завтра не получится.

— Он сказал, что исправляет осмотр.

— Возможно, подрядчик. Вы документы ему давали?

— Нет.

— И правильно. Инженер будет завтра.

Анна попросила назвать организацию, проводившую утренний осмотр.

— Здесь внешний исполнитель. В карточке только код.

— Какой?

— КН.

— Что это значит?

— Не знаю. У инженера уточните.

Она могла поехать в салон. Там были заказ, чертежи, кофе, Лиза. Рабочий день уже расползался, и через час начались бы звонки с вопросами, где файл. Анна положила телефон на пассажирское сиденье, пристегнулась, завела двигатель.

На выезде со двора она повернула к управляющей компании.

Управляющая компания помещалась в бывшей колясочной соседнего дома. Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься на три ступеньки. На нижней стояла вода. Анна перепрыгнула через неё и задела плечом объявление о поверке счётчиков.

Женщина за столом заканчивала разговор с посетительницей.

— Я не могу вам сделать перерасчёт без акта.

— А акт кто сделает?

— Я заявку оформила.

— В прошлый вторник тоже оформили.

У посетительницы была прозрачная папка, растянувшаяся от квитанций. Анна достала свою зелёную папку и пожалела, что принесла: теперь они выглядели как люди из одной очереди, даже если пришли по разным причинам.

Наконец посетительница ушла, не закрыв дверь. Анна закрыла за неё.

— Ольга Викторовна? — прочла она табличку. — Я по осмотру сорок седьмой. Лесная, четырнадцать, второй корпус.

Женщина подняла глаза.

— Уже передали. Инженер завтра.

— Мне нужно узнать, кто сегодня приходил.

— Сегодня никто не должен был.

Анна показала снимок. Ольга Викторовна отодвинула от себя клавиатуру, освобождая место для телефона, но в руки его не взяла.

— Вы говорите, это не ваша квартира?

— Я не знаю, чья это кухня. Мне её прислали как мою. А через десять минут пришёл человек, которого вы не направляли.

— Я не направляла. Другие могли.

Анна почувствовала, что начинает говорить громче. Остановилась и расстегнула куртку. В помещении было жарко.

— Посмотрите, пожалуйста, кто закрыл задание. Там должно быть имя.

Ольга Викторовна подвинула клавиатуру обратно.

За стеклянной перегородкой двое мужчин складывали в ящик инструменты. Один держал мокрую тряпку, второй пытался говорить по телефону, прижав его плечом. На полу под ними растекалась вода.

— Вот и осмотр, — сказала Ольга Викторовна, не поднимая головы. — Сегодня весь день у нас будет осмотр.

— Я понимаю, что у вас авария.

— Не понимаете, но спасибо.

Она произнесла это без злости. Щёлкнула мышью ещё раз и нахмурилась.

— Доступ не требуется. Квартира освобождена. С первого сентября.

— Кем освобождена?

— Так стоит.

Анна раскрыла папку. Документы скользили в файлах, цеплялись друг за друга. Она вынула не тот лист, свидетельство о смерти, и быстро убрала обратно.

— Мама умерла в феврале. Наследство оформили в августе. Здесь жила она, теперь я. Вещи всё время были в квартире. Никакого освобождения не было.

— Вероятно, при обновлении сведений…

— Вероятно, — повторила Анна. — Но исправлять это пришёл неизвестный человек с планшетом. Я хочу понять, он от вас или нет.

Ольга Викторовна посмотрела на неё поверх очков.

— Фамилию назвал?

— Только Денис.

— Номер машины? Телефон?

Анна покачала головой. Она помнила мокрые волосы, полоску на шее, чёрный чехол. Ничего полезного.

Женщина записала «Денис» на стикере и прилепила к монитору. Затем попросила Анну сесть.

Анна села на свободный стул. После двух лестниц ноги гудели.

— Я не могу вам всю историю карточки распечатать, — сказала Ольга Викторовна. — У меня не тот доступ. Но текущее обращение могу дополнить. Что в квартире проживает собственник. И что исполнитель не представился.

— Он представился технической службой.

— Так и напишем.

Она печатала двумя пальцами, быстро и сердито. Анна смотрела на кончик её ручки, который торчал из собранных волос. Синяя ручка была сломана, колпачок держался на полоске прозрачного скотча.

— А сорок восьмая? — спросила Анна.

Женщина перестала печатать.

— Что сорок восьмая?

— Напротив. Там человек живёт. У него продукты с утра не забрали.

— Это не к нам.

— Я понимаю. Просто посмотрите, у него тоже осмотр был?

— По чужой квартире я вам сведения не даю.

Анна уже собиралась встать, когда из-за перегородки вышел один из мужчин. Молодой, рыжеватый, в тёмной толстовке с мокрыми рукавами.

— Ольга Викторовна, у вас ключ от подвала в третьем где?

— В ящике. Не оттуда, левее.

Он стал перебирать связки, гремя бирками.

— Александр, это к вам на завтра, — сказала женщина. — Только там сегодня уже кто-то был.

Мужчина посмотрел на Анну.

— Где?

Она назвала адрес. Он положил связки обратно, оставив одну.

— А что делали?

Анна в третий раз показала фотографию. Инженер взял телефон с её разрешения, приблизил край потолка над дверью.

— У вас такой выступ есть?

— Не помню.

— А надо посмотреть.

— Вы знаете, откуда снимок?

— Нет. Просто у вас в этих квартирах кухни парные, но не совсем одинаковые. В одной ригель больше выступает. Я в апреле здесь начал, все не помню.

Он вернул телефон.

— У меня сейчас вода по лифтовой шахте идёт. Это я не пугаю, я объясняю, почему не могу прийти прямо сейчас.

Анна кивнула.

— Но завтра я всё равно приду. Лебедев. Если вам сегодня опять будут звонить от моего имени, я никого не посылал.

Он записал на обороте визитки номер. Визитка была чужая, сантехнического магазина. Под названием значилось: «Скидка новосёлам».

Ольга Викторовна распечатала дополненное обращение. Анна проверила адрес и свою фамилию. Рядом с текстом «проживает собственник» стояла сегодняшняя дата. Ниже — время, одиннадцать двадцать три.

Анна положила лист в отдельный файл.

Домой она дошла пешком, оставив машину возле офиса. Дождь прекратился. Во дворе мальчишки переворачивали ногами мокрые листья, пытаясь отыскать крышку люка. Один сказал другому: «Здесь же было». Анна не стала слушать, что именно.

В квартире она первым делом посмотрела над кухонной дверью.

Выступа, который показывал инженер, не было.

Она взяла дальномер. Измерила кухню вдоль и поперёк. Повторила замеры на другой высоте. Затем нашла в папке старый план, разложила его на столе и сравнила кухню с коридором.

Мама когда-то обвела на плане кусок стены синим карандашом. Линия проходила неровно, дважды возвращалась назад. Анна не помнила, чтобы они что-то здесь перестраивали, но после её отъезда прошло двадцать три года.

Она измерила расстояние между дверным проёмом и холодильником. Проверила на другой высоте. Дальномер показывал одно и то же.

Разница с планом была небольшой — около одиннадцати сантиметров.

Такое встречалось: кривые стены, несколько слоёв штукатурки, ошибка старого обмера. За семь лет работы Анна привыкла проверять размеры на месте, даже если заказчик приносил готовый план.

Она приложила ладонь к обоям за холодильником. Поверхность была чуть теплее соседней. Может быть, от компрессора. Пальцы задели бугорок под обоями.

Анна отняла руку.

Телефон лежал на столе. Илья Андреевич не ответил про красный клин. Последнее сообщение оставалось прочитанным.

Она вышла на площадку и снова позвонила в сорок восьмую. Звук был совсем тихим.

Пока ждала, посмотрела на дверь внимательнее.

Медная восьмёрка действительно висела ниже. Но под ней не было отверстия от старого гвоздя, которое она помнила. Анна присела. У порога белела полоска свежей пыли. Из-под наличника торчала жёлтая пена.

На ручке остался кусочек прозрачной защитной плёнки.

Анна открыла на телефоне августовские фотографии. Искала снимок маминого трюмо: тогда они с Павлом вынесли его на площадку и не смогли развернуть к лифту. Павел сказал, что проще разобрать, Анна настояла, чтобы сначала сфотографировать.

Нашла.

За зеркалом виднелась соседская дверь. Нижний угол обивки был порван. На новой двери разрыва не было.

Она увеличила цифры. Четвёрка была той же. Восьмёрка — тоже. Их переставили со старой двери.

Анна ещё несколько секунд сидела на корточках. Потом поднялась, взяла с кухни молоко и посмотрела на дату доставки на наклейке. Сегодня. Илья Андреевич заказывал его вчера вечером, в семь двенадцать.

Она набрала его номер.

Гудков не было.

Глава 3. Восьмая цифра

Сазонова слушала женщину в красном берете и пыталась не смотреть на часы.

Женщина принесла пакет с письмами. Письма были настоящие, на бумаге, с марками. Их писал мужчина, который больше не хотел с ней встречаться. Она считала, что не хотел он по принуждению, потому что в последнем письме не поставил привычную запятую.

— Он всегда пишет «дорогая, Нина». Я знаю, что неправильно. Он всю жизнь так. А здесь нет.

— Когда вы последний раз с ним разговаривали?

— В воскресенье.

— Что он сказал?

Женщина прижала пакет к коленям.

— Что мне не надо больше звонить.

Сазонова отложила ручку.

Утро началось с мужчины, который искал брата. Брат нашёлся у знакомой, не захотел сообщать адрес и попросил передать, что выйдет на связь сам. До этого привезли подростка, спавшего в торговом центре. Теперь была Нина с запятой, а в телефоне у Сазоновой висело три пропущенных от матери.

Она не считала женщину смешной. В прошлом году человек с совершенно неправдоподобной историей оказался единственным, кто заметил исчезновение соседа. Сазонова запомнила не его историю, а собственное желание быстрее закончить разговор.

— Давайте запишем номер. Мы уточним, всё ли с ним в порядке. Но если он не хочет общаться, заставить его я не могу.

Женщина кивнула. По её лицу было видно: услышала первую половину.

После неё в кабинете остался запах мокрой шерсти. Сазонова открыла форточку и перезвонила матери.

— Ты где? — спросила та.

— На работе.

— Я понимаю. Ты продукты заказала?

Сазонова закрыла глаза. Заказать нужно было вчера.

— Сейчас.

— Не сейчас. Я уже сама сходила.

— Мам, на лестнице лёд.

— Поэтому и звоню. У них молоко другое привезли. Взять тебе?

Она сидела возле магазина и звонила, чтобы иметь повод посидеть ещё. Сазонова слышала по дыханию.

— Нет. Домой иди. Позвони, как поднимешься.

— Я сама знаю, куда мне идти.

Мать отключилась.

Сазонова взяла из ящика печенье. Оно раскрошилось, когда она снимала обёртку. Ела над раскрытой ладонью, одновременно читая новое сообщение дежурного: женщина, Лесная, подозрение на исчезновение соседа. Квартира могла быть освобождена. Поступают сообщения от его имени.

Последнюю фразу она перечитала.

Позвонила заявительнице. Та ответила сразу, назвала имя и сказала:

— Я понимаю, что он взрослый. Он может уйти. Но дверь поменяли.

— Когда?

— Не знаю. Вчера я не смотрела. Сегодня новая, а цифры старые.

— Вы ему звонили?

— Телефон выключен. Сообщение пришло, что он вернётся к вечеру.

— Голос слышали?

— Нет.

Сазонова записала время сообщения.

— Родственников знаете?

— Нет. Я здесь недавно. Раньше мама жила.

В коридоре кто-то громко ругался с дежурным. Сазонова закрыла дверь плечом.

— Когда лично видели соседа?

— Вчера, около восьми. Он просил сверло.

— Как выглядел? Трезвый? На самочувствие жаловался?

— Обыкновенно выглядел. Я не спросила.

Соседка замолчала, словно теперь пыталась вспомнить в нём что-то тревожное.

— Оставайтесь дома. Я подъеду. Если он позвонит, попросите поговорить голосом и сообщите мне.

Она написала дежурному, куда едет, убрала в сумку блокнот и обнаружила на рукаве крошки. Стряхнула над корзиной.

Внизу у входа Нина в красном берете всё ещё складывала письма. Сазонова придержала ей дверь. Женщина спросила, когда можно позвонить.

— Я сама с вами свяжусь.

— Вы же забудете.

Сазонова достала телефон и показала записанный номер.

На улице мелко моросило. Служебная машина была занята, и она пошла к своей. Старый хетчбэк стоял поперёк разметки: ночью в соседнем месте был сугроб грязного снега, утром его убрали, и теперь виноватой выглядела она.

По пути к Лесной Сазонова дважды остановилась на красный. На втором светофоре позвонила мать.

— Дома, — сказала она. — Не переживай.

— Хорошо.

— А ты когда?

Сазонова смотрела на женщину, которая медленно переводила ребёнка через дорогу. Ребёнок наступал только на белые полосы, женщина терпеливо подстраивалась под его шаг.

— Позвоню.

Мать вздохнула, но не стала спорить.

* * *

Лебедев появился раньше полиции. Анна сама позвонила ему после того, как обнаружила новую дверь. Он сначала сказал, что не может уйти с аварии, потом спросил, никого ли нет за дверью, и через десять минут поднялся на этаж.

— Стояк перекрыли, — объяснил он. — Пока ждём сварщика, посмотрю.

От толстовки пахло сыростью. Он присел возле порога, посветил фонариком.

— Свежая, — сказал. — Не сегодня, может быть. Но недавно.

— Смотрите.

Анна показала августовский снимок. Лебедев сравнил его с дверью, провёл ногтем по краю плёнки на ручке, но снимать не стал.

— Номер переставили, — сказал он.

Из сорок шестой выглянула женщина в фартуке. Анна знала её в лицо, но имени не помнила. Та посмотрела на инженера и сразу нахмурилась.

— Опять воду отключать?

— Пока нет, — ответил Лебедев.

— А чего тогда?

— Илью Андреевича не видели?

— Вчера лифт с ним стоял. Или позавчера. А что?

Анна начала объяснять. Женщина слушала, придерживая дверь плечом. Из квартиры пахло капустой.

— Так они переезжают, — сказала она. — Я же слышала.

— Кто они?

— Ну кто там живёт. Мужики мебель таскали.

— Илью Андреевича с ними видели?

— Я в глазок не дежурю.

Она сказала это резко, будто её уже упрекнули.

Лебедев спросил, когда выносили вещи. Женщина пожала плечами.

— Поздно. Я телевизор смотрела. Сначала стучали, потом хлопали. Утром девушка приходила, сказала, дверь будут мерить. Визитку оставила.

— Можно посмотреть?

Она скрылась в квартире, вернулась с белой карточкой. «Евгения Руднева. Недвижимость и сопровождение сделок». Золотая полоска отделяла номер телефона от фамилии.

— Только отдайте. Я потом окна хочу менять. Она сказала, может человека посоветовать.

Анна сфотографировала визитку.

— А про Мельникова ничего не сказала?

— Мне зачем про Мельникова?

Женщина прикрыла дверь, но не закрыла до конца. Осталась слушать.

Лифт приехал на шестой этаж. Из него вышла невысокая женщина в тёмной куртке. Посмотрела сначала на номера квартир, потом на Анну.

— Левина?

— Да.

— Сазонова, полиция.

Она представилась полностью, показала удостоверение. Анна успела прочесть имя и начало фамилии, потом кивнула слишком быстро. Сазонова не убирала документ, пока Анна не посмотрела ещё раз.

Разговор пошёл иначе, чем Анна ожидала. Сазонова не пыталась объяснить ей, почему не нужно волноваться, но и не разделяла её спешки. Уточнила, где Анна стояла вчера, когда видела соседа. Спросила, какие именно слова он сказал. Попросила не заменять их пересказом.

— Сверло тонкое. На пять минут, — повторила Анна. — Кажется, так.

— В квартиру заходили?

— Нет.

— Куда он пошёл после разговора?

— Я закрыла дверь.

Она вдруг увидела вчерашний вечер: пакет давит на пальцы, телефон звонит, Павел опять спрашивает про продажу. Сосед стоит рядом и не уходит. Белая пыль на рукаве. Тогда она решила, что мука.

— На рукаве было белое. Вот здесь.

Сазонова отметила и это.

Потом посмотрела сообщения. Когда Анна показала фотографию кухни, Сазонова попросила начать с самого уведомления. Анна начала, сбилась, вернулась назад. Инженер не перебивал.

Женщина из сорок шестой наконец вышла совсем.

— Вы в квартиру будете ломиться?

— Сейчас выясняем обстоятельства, — ответила Сазонова.

— Там риелтор есть.

— У вас её контакт?

Женщина протянула визитку. Анна отвела глаза, досадуя, что сама не позвонила по этому номеру.

Сазонова позвонила Рудневой. Представилась, назвала адрес, выслушала ответ.

— Да, нужно подъехать. Документы на квартиру возьмите. И на каком основании вы представляете собственника.

Говорила без нажима. Анна не могла понять по её тону, стало ли происходящее серьёзнее.

Пока ждали, из сорок пятой вышел мужчина с мусорным пакетом. На нём были спортивные штаны и футболка с надписью про море. Он остановился, увидев людей, и спросил про шум.

— Вы вчера слышали? — уточнила Сазонова.

— До половины второго. Я в час ещё не спал. Они в лифт шкаф не могли запихнуть. Орали, что ножки открутить надо.

— Кто они?

— Грузчики. Двое, может, трое. Я выходил попросить потише.

— Мельников среди них был?

— Нет. Старика не видел.

Анна смотрела на завязанный пакет в его руке. Из пакета торчал угол коробки от пиццы. Вчера она легла в десять, включила в наушниках подкаст про реставрацию собора. Заснула, не дослушав. Проснулась около трёх, вынула один наушник из-под плеча.

В сорок восьмой всю ночь выносили вещи, а она слушала про итальянскую штукатурку.

— У вас дверь с камерой? — спросила Сазонова мужчину.

Он кивнул.

— Пишет?

— Если движение. Только ночью плохо видно.

— Сохраните, пожалуйста, запись. И покажите мне.

Он поставил мусор обратно за порог.

Анна подошла ближе. Запись можно было пересмотреть.

На записи камера смотрела чуть вниз. Человек в чёрной шапке шёл спиной, прижимая к животу край стола. Второй держал другой край, но в кадр попали только рука и рукав. Время в углу: 23:46.

— Часы у вас правильно стоят? — спросила Сазонова.

— Вроде. Оно само.

Они сверили с текущим временем. Расхождение оказалось меньше минуты.

Следующий фрагмент: матрас. Потом узкий шкаф. Один из грузчиков остановился перед камерой и сказал что-то в сторону квартиры. Звука не было. Он махнул рукой, зло, всем плечом.

Ильи Андреевича в этих фрагментах не было.

— Это всё? — спросила Анна.

Мужчина начал листать.

— Тут ещё до. И после. Я вам отправлю, только номер дайте.

Сазонова продиктовала, попросила сохранить исходные файлы. Анна отступила к своей двери.

На рукаве грузчика была узкая светлая полоса. Она могла оказаться отражающей лентой, краской, швом. Анна почему-то пыталась вспомнить рукав Дениса, хотя утром смотрела только на его планшет.

Лебедев ответил на звонок сварщика. Сказал, где ключ, и попросил подождать.

Руднева поднялась по лестнице через двадцать минут. Светлое пальто было мокрым на плечах, кроссовки — в грязи. Она поздоровалась, увидела Сазонову, достала паспорт и папку, не дожидаясь просьбы.

— Я правильно поняла, вы ищете прежнего жильца?

Анна услышала слово «прежнего» раньше остальных.

— Он здесь живёт, — сказала она.

Руднева посмотрела на неё, потом на Сазонову.

— Квартиру передали мне освобождённой. Я занимаюсь продажей.

— Кто передал?

— Представитель собственника. Документы у меня.

— Дверь когда меняли?

— Ночью. Повредили при выносе, поставили временную. Сегодня должны снять размеры для новой.

Руднева отвечала без запинки. Анна смотрела на её папку, пытаясь понять, сколько времени та уже занимается квартирой.

Сазонова отвела её к окну. Они разговаривали, заглядывая в документы. Потом Руднева достала связку ключей. На белой бирке ничего не было написано.

— Я могу открыть, — сказала она.

Анна отошла от двери. Замок повернулся легко, без скрипа.

Внутри было пусто.

Она знала это по фотографии, по ночной записи, по словам Рудневой. Всё равно ждала, что увидит тумбу с газетами. Кепки на вешалке. Тапочки, которые Илья Андреевич снимал одним движением, наступая пяткой на задник.

На обоях остались светлые прямоугольники. В полу — тёмные следы от ножек.

— Пока стойте здесь, — сказала Сазонова.

Из глубины квартиры тянуло мокрой тряпкой.

Дверь в кухню была открыта. Над ней выступал бетонный зуб, которого не было у Анны.

* * *

Максим сидел в машине возле магазина и удалял с фотографии провод.

Провод висел посередине кухни, прямо перед окном. Хозяин обещал убрать его до съёмки, потом забыл и попросил исправить на фотографии. Максим уже полчаса двигал мышью по коврику на пассажирском сиденье. До следующего заказа оставалось время, а ехать ради этого в офис не хотелось.

Когда позвонила Руднева, он решил, что она хочет кадры раньше срока.

— Я вечером отправлю, как договаривались.

— Максим, где вы?

— Рядом. У магазина.

— Можете вернуться на объект?

Он посмотрел на часы. Следующий заказ в два. Можно было заехать, но раздражение уже поднялось.

— Что случилось? Я всё снял.

— Здесь полиция. Надо объяснить про снимки.

Максим закрыл ноутбук слишком резко. В щель попал провод зарядки, крышка пружинисто отскочила.

— В смысле полиция?

— Просто приезжайте.

Она отключилась.

Максим ещё минуту сидел, глядя на чёрный экран. В прошлом месяце заказчик потребовал вернуть деньги за фотографии, потому что по ним было видно, насколько тесная квартира. Тогда Руднева встала на сторону Максима. Наверное, и сейчас объяснит.

Он вынул карту памяти из камеры, посмотрел на неё и вставил обратно. Потом всё-таки взял камеру с собой.

У подъезда стояла женщина с двумя пакетами. Максим придержал дверь, она спросила, работает ли лифт. Он сказал, что утром работал. Женщина посмотрела на него так, будто теперь он отвечал за это лично.

На шестом этаже было слишком много людей. Руднева стояла у открытой квартиры, рядом — женщина в тёмной куртке. Ещё одна, моложе, держала телефон двумя руками.

— Это вы снимали? — спросила она сразу.

На экране была снятая им кухня. Маленькое изображение, без обработки. Он узнал красный клин у стены.

— Да. Это превью. Я окончательные ещё не отдавал.

— Кому вы его отправили? — спросила женщина в тёмной куртке.

Она представилась. Максим убрал камеру за спину, будто его могли попросить немедленно переснять.

— Заказчику.

— Мне вы ничего не присылали, — сказала Руднева.

— Вашему человеку.

— Какому?

У него похолодела поясница. Он достал телефон, открыл переписку.

Денис. Техническая служба. Сообщение пришло утром, перед съёмкой: «Евгения дала контакт. Я на объекте, бокс у второго подъезда, код сейчас пришлю». Затем четыре цифры. Максим ввёл их, достал ключ, прошёл в квартиру.

Ничего странного. Ему каждую неделю писали чужие люди, у которых был его номер от риелторов. Если спрашивать у каждого доверенность, он не успевал бы работать.

— Вот, — сказал он. — Код от бокса. Он верный был.

Руднева побледнела не сильно, но заметно.

— Код я отправляла представителю собственника. Он должен был вам передать. Я думала, передал сам.

— Он и передал.

— Денис — не мой сотрудник.

Максим пожалел, что приехал без воды. Во рту пересохло.

— Я не знаю ваших сотрудников.

Сазонова попросила показать сообщения по порядку. Максим показал. В восемь пятьдесят одну — код. В девять семь — просьба сделать пару быстрых кадров: «Нужно подтвердить, что всё вынесли, пока бригада не уехала». В девять двенадцать он отправил три фотографии, снятые на телефон. Камера была для окончательных кадров.

— На что снимали вот это? — Сазонова указала на экран Анны.

— На телефон. Первая кухня, от двери.

— Оригинал есть?

— Конечно.

Он открыл галерею. Девять десять. Анна подошла ближе, но не трогала экран.

— В приложении девять восемнадцать, — сказала она.

Максим не понял, о каком приложении речь. Ему объяснили. Он посмотрел на номер квартиры в уведомлении, потом на дверь.

— Я сорок восьмую снимал.

— Да, — сказала Сазонова.

— Я номер не менял.

— Вас пока никто в этом не обвиняет.

От слова «пока» легче не стало.

Анна попросила пройти к кухне. Сазонова сначала осмотрела её сама, потом разрешила Анне посмотреть с порога, ничего не трогая. Максим остался в коридоре.

— Отсюда, — сказала Анна. — Точно отсюда. Отверстие над батареей и след от шкафа.

Для Максима это было очевидно с самого начала. Но теперь, слушая, как она произносит «отсюда», он впервые понял, что для неё эта кухня значила другое.

Сазонова спросила, был ли кто-нибудь в квартире утром.

— Никого. Я открыл, снял, закрыл.

— А вещи? Коробки, мешки?

— Пусто было. Только в дальней комнате провод на полу. И вот этот клин.

— Красный?

— Да.

— Вы его трогали?

Максим замялся.

— Дверь подпёр. Она закрывалась. Потом у косяка оставил.

Анна посмотрела в кухню. Открытая дверь закрывала часть пола.

— За ней, кажется, — сказал Максим, указывая на угол.

Сазонова посветила фонариком. Клин лежал у плинтуса. На красном пластике чёрным маркером было написано: «48». Анна узнала цифры и отступила, давая его сфотографировать.

Руднева отошла звонить помощнице. Та забрала ключевой бокс в половине десятого, в квартиру не заходила. Сазонова попросила её номер.

Максим стоял в коридоре и смотрел на маленький светлый прямоугольник возле выключателя. У него дома на этом месте висела фотография родителей.

— Ещё один вопрос, — сказала Сазонова. — Пока вы были здесь, кто-нибудь приходил?

— Нет.

— В подъезде кого-то встретили?

— На первом этаже мужчина стоял. В серой куртке. По телефону говорил.

Анна подняла голову.

— С планшетом?

— Не помню. Вроде что-то было под мышкой.

— Вы с ним разговаривали?

— Нет. Я подумал, он курить вышел. Хотя сигареты не видел.

Сазонова записала.

— Если вспомните ещё, позвоните. И переписку сохраните всю.

Максим кивнул. Уже собрался уходить, но достал телефон снова.

— Там последнее сообщение есть. Я не ответил, потому что обрабатывать начал.

Он показал экран.

В девять тридцать четыре Денис написал: «Превью удали, пожалуйста. В окончательную папку не надо. Номер объекта перепутали».

Максим посмотрел на Анну.

— Я не удалил.

Она кивнула. Потом сказала:

— Спасибо.

Максим убрал телефон. Пальцы наконец перестали дрожать.

Глава 4. Чужой голос

Елена не хотела ехать к отцу.

Накануне они поссорились. Не сильно — как всегда: он сказал «ладно», она поняла, что никакого «ладно» не было, и продолжила объяснять. О том, что у неё маленькая квартира. О том, что Миша делает уроки за кухонным столом. О том, что холодильник, который отец хотел привезти, старше её брака и гудит, как моторная лодка.

— Пап, ему просто некуда встать.

— Понятно.

— Тебе понятно про холодильник или ты опять придумал другое?

— Всё мне понятно, Лена.

После таких разговоров он обычно не звонил сутки. Потом присылал фотографию какой-нибудь детали и спрашивал, понадобится ли ей. Она отвечала, что нет, и они мирились, не обсуждая ссору.

Сегодня было иначе: утром он должен был забрать заказ, приехать к ней с починенной лампой, а потом вместе забрать Мишу из школы. Елена специально предупредила, когда выходит за сыном. Отец не приехал. Телефон был выключен.

Когда позвонила Сазонова, Елена стояла в школьном гардеробе и держала куртку сына.

— С ним что-то случилось?

— Мы устанавливаем, где он находится. Вы сегодня общались?

Елена смотрела на пустой крючок с цифрой семнадцать. Чей-то ребёнок тянул рукав, зажатый между чужими куртками.

— Нет. Вчера.

— Он говорил, что собирается переезжать?

— Ко мне? Нет. В гости собирался.

Сазонова попросила приехать на Лесную.

Миша появился из-за ряда курток, таща рюкзак за одну лямку.

— Мам, я пять получил.

— Молодец.

— По окружающему.

— Я услышала.

Он остановился, посмотрел на неё.

— Что?

Елена убрала телефон в карман. Присела, чтобы застегнуть сыну куртку, хотя он давно застёгивал сам.

— Мне к деду нужно. Ты пока к тёте Свете пойдёшь. Я позвоню.

— Он лампу сделал?

— Не знаю.

Миша отстранил её руку от молнии и застегнул сам.

До Лесной она ехала на автобусе двадцать восемь минут. Могла взять такси, но приложение показывало ожидание одиннадцать, а автобус подошёл сразу. Всю дорогу Елена держала телефон в руке. Два раза открывала переписку с отцом. Последнее сообщение было её: «Только холодильник не вези, пожалуйста».

У подъезда стояла белая машина, в которой мужчина ел из бумажной коробки. Елена обошла её, нажала знакомые цифры домофона. Код не сработал. Она нажала ещё раз, сильнее, как будто дело было в пальцах.

Дверь открыли изнутри. Молодой человек с камерой придержал её и спросил:

— Вы наверх?

— Да.

Он что-то хотел сказать, но передумал.

Лифт оказался на девятом. Елена пошла пешком. На третьем этаже пришлось расстегнуть шарф, на пятом она остановилась на секунду. С шестого этажа доносились голоса.

Дверь отцовской квартиры стояла открытой.

Елена увидела пол раньше людей. Светлая полоса вдоль стены, там, где была тумба. На тумбе отец оставлял для неё то, что считал нужным: батарейки, запасную лампочку, объявление о продаже зимних шин. Иногда она забирала, чтобы не спорить. Иногда забывала. Тогда он звонил и напоминал.

Теперь полоска на полу была свободна до самого угла.

— Елена? — спросила женщина в тёмной куртке.

Она кивнула, не останавливаясь.

— Подождите. Я Сазонова, мы разговаривали.

— Где его вещи?

Женщина в светлом пальто сказала:

— На хранении. Адрес я уточняю.

— Кто вы?

Руднева представилась. Елена слушала её, глядя в квартиру.

— Зачем вы вещи вывезли?

— Я не вывозила. Я приняла квартиру после…

— Вы говорите, вы её продаёте.

— Я представляю собственника.

— Собственник — мой отец.

Руднева посмотрела на Сазонову. Этого оказалось достаточно, чтобы Елена поняла: сейчас ей скажут что-то, чего она не знала много лет.

— Давайте отойдём, — предложила Сазонова.

— Не надо отходить. Говорите здесь.

На площадке стало тихо. Из сорок шестой прикрыли дверь, но Елена заметила движение в глазке.

Сазонова сказала, что документы нужно проверить. Что по предъявленным сведениям квартира была продана раньше. Что сейчас важнее связаться с Ильёй Андреевичем.

Елена услышала только слово «продана».

— Когда?

— В две тысячи девятнадцатом, — ответила Руднева.

Елена стала считать. Семь лет. Мише тогда было два. Она помнила тот год по больницам и по тому, как муж выносил коробки, не взяв детский велосипед. У отца тогда закрылась мастерская. Он сказал, что помещение больше не сдают.

— Почему вы мне не сообщили?

Руднева не ответила сразу.

— Я только сейчас получила этот объект.

Конечно, она была не тем человеком, которому стоило задавать этот вопрос.

Рядом стояла женщина с телефоном. Елена узнала её не сразу. Потом увидела знакомые глаза, лицо Марины Павловны, только более узкое.

— Аня?

— Да. Я вызвала.

Они смотрели друг на друга. В последний раз виделись на похоронах. До этого — так давно, что Елена помнила не сам разговор, а собственные металлические брекеты, о которые цеплялся язык.

— Ты его вчера видела?

— Около восьми. На площадке.

— Что говорил?

— Сверло просил.

Елена закрыла глаза. Отец мог лишиться квартиры, заболеть, поругаться со всеми, но всегда находилось что-нибудь, что требовало ремонта.

— Дала?

— Нет. Не успела посмотреть.

Елена открыла глаза и увидела, как Анна ждёт следующего вопроса. Не стала его задавать.

Сазонова попросила показать переписку. Елена отдала телефон, предупредила, что последнее сообщение про холодильник. Прозвучало глупо, будто нужно было объяснять каждую семейную мелочь.

— Он должен был сегодня приехать? — спросила Сазонова.

— Сначала ко мне, потом за Мишей в школу вместе собирались. Это мой сын, девять лет. Отец лампу ему чинил.

— Во сколько договаривались?

— К одиннадцати. До половины первого точно. Потом мне за сыном выходить.

Сазонова записала. Попросила перечислить людей, к которым он мог поехать. Елена назвала двоих. Один жил в другом городе. Второй умер в прошлом году; она вспомнила об этом, уже продиктовав номер.

— Извините, — сказала она.

— Ничего.

Елена посмотрела на Анну. Та стояла с её отцовскими продуктами в руках. Не со всеми, только с пакетом, на котором была наклейка с адресом.

— Это сегодня привезли. Он потом написал, что вернётся вечером.

— Тебе написал?

— Да.

Елена взяла телефон и прочла. Коротко, без ошибок. Отец часто писал так: экономил буквы, словно за них платили.

Она нажала вызов. Аппарат был недоступен.

— Он вас сегодня не предупреждал, что не приедет? — уточнила Сазонова.

— Нет.

— Раньше бывало?

Елена хотела ответить «нет». Остановилась.

— Бывало. Но он потом звонил.

Сазонова не подняла на неё глаз. Просто записала.

— Ему лекарства нужны? Постоянно?

Елена назвала два препарата, потом полезла в переписку за фотографией коробок. Отец присылал её летом, просил купить по дороге. Она тогда сказала, что ему пора освоить доставку, и он ответил: «Я тебя прошу, не доставку».

Сейчас эта фраза была между фотографией таблеток и её ответом: «В пятницу смогу».

Сазонова сохранила названия.

Из квартиры донёсся звонок телефона Рудневой. Она вышла на лестницу, заговорила быстро, почти шёпотом. Елена вслушивалась, не понимая слов.

Анна предложила зайти к ней и сесть.

— Чай есть. Вода.

Елена покачала головой.

— Мне надо посмотреть.

Сазонова объяснила, куда можно пройти, попросила ничего не брать. Елена вошла в отцовскую квартиру.

В комнате, где была мастерская, остался след на стене от длинной полки. В одном месте обои были обведены карандашом: отец примерял новый кронштейн и так и не стёр разметку. Возле розетки лежала маленькая пружина.

Елена нагнулась, но вспомнила просьбу и выпрямилась.

Лампы Миши не было.

Она стояла посреди комнаты и наконец позволила себе представить, что отец больше сюда не войдёт. До этой минуты всё выглядело чужой ошибкой, которую надо исправить звонком.

На подоконнике остался круг от цветочного горшка. Цветок она подарила ему на день рождения, не зная, что ещё дарить. Отец сначала поливал слишком часто, потом научился. Каждый раз говорил, что растёт.

Елена провела пальцем по краю чистого круга, остановилась и убрала руку в карман.

* * *

К двум часам Анна уже не хотела, чтобы в её квартиру входили люди.

Утром ей казалось, что нужно только кого-нибудь позвать. Теперь на столе лежали чужие телефоны, её собственные бумаги, визитка Рудневой. Лебедев уехал к сварщику. Максим оставил номер и дважды спросил, можно ли ему уезжать. Сазонова разговаривала с кем-то на лестнице. Елена сидела возле окна, не снимая куртки.

Анна налила ей воды в стакан.

— Сахар есть? — спросила Елена.

— К чаю?

— Нет. Можно кусок?

Анна придвинула сахарницу. Елена взяла кусочек, откусила половину. Руки у неё дрожали. Анна отвернулась к чайнику, чтобы не смотреть.

— Я с утра не ела, — сказала Елена.

— У меня хлеб. Сыр, кажется.

— Не надо.

Анна всё равно достала хлеб и сыр. Положила на тарелку, не делая бутерброды, чтобы Елене не пришлось отказываться ещё раз.

Телефон показал звонок Павла. Анна сбросила. Он позвонил снова.

— Возьми, — сказала Елена. — Вдруг важно.

Анна вышла в коридор.

— Ань, ты куда пропала? — спросил брат. — Риелтор мне пишет, что ты не перезвонила.

— У меня здесь полиция.

Он замолчал.

— Что случилось?

Она рассказала коротко. Пока говорила, с лестницы вернулась Сазонова. Анна отступила, пропуская её, и упёрлась в пакет с маминым полотенцами.

— С тобой всё нормально? — спросил Павел.

— Да.

— Тогда я вечером наберу. Ты сама никуда не лезь.

— Я никуда не лезу.

— Я не в этом смысле.

— В каком?

Павел выдохнул. На заднем плане работала кофемашина.

— Просто полиция разберётся. У них работа такая. Тебе не надо за всех.

Анна посмотрела на пакет под ногами. Она разбирала эти полотенца два дня, потому что мама подписывала бельё для санатория, и на белой ткани остались её кривые инициалы. Павел хотел, чтобы кто-то приехал, оценил квартиру и сказал, сколько денег они получат. Он имел право хотеть этого. От этого легче не становилось.

— Вечером, — сказала она и закончила разговор.

Сазонова стояла возле кухонного стола, просматривала запись из сорок пятой. Елена наконец сняла куртку. Под ней был серый свитер, растянутый на локтях.

— Водителя на этих фрагментах не видно, — сказала Сазонова. — Людей проверяем. Представитель собственника обещает связаться. Вы названную фамилию раньше слышали? Карпов, Виктор Борисович.

Елена покачала головой.

Фамилия показалась Анне знакомой. Возможно, мама когда-то произносила её по телефону. Вспомнить, когда и о чём был разговор, не получалось.

— Не уверена, — сказала она.

— Если вспомните конкретно, сообщите.

Телефон Елены завибрировал. Она схватила его так быстро, что стакан качнулся.

— Папа.

В кухне все замолчали.

Пришло сообщение.

«Лена, всё нормально. Уехал по делам. С Мишей завтра увижусь».

Елена прочла вслух, затем нажала вызов. Долгое ожидание. Потом соединение оборвалось.

— Позвонить не может, — сказала она, глядя на экран. — Пишет: плохо слышно.

— Попросите голосовое, — предложила Сазонова.

Елена набрала. Все смотрели на её пальцы. Анна понимала, как это должно раздражать, но не могла отвести взгляд.

Ответ пришёл через минуту.

«Зарядка садится. Позже».

— Он так пишет? — спросила Сазонова.

— По-разному.

Елена стиснула телефон.

— Он правда может обидеться. Из-за вчерашнего. Решил показать, что сам справляется.

— Может, — сказала Сазонова. — Поэтому нам нужно услышать его, а не угадывать.

Анна посмотрела на переписку. В коротких ответах не было ничего, по чему можно было узнать соседа.

— Можно спросить о чём-нибудь, что знает только он? — сказала она.

Елена подняла голову.

— О чём?

Анна растерялась. Она знала, как Илья Андреевич пьёт чай и где держит инструменты, но подходящего вопроса не находилось.

Елена начала печатать сама.

«Ты лекарство выпил?»

— Это любой ответит, — сказала Анна и сразу пожалела.

Елена посмотрела на неё.

— Мне важно, выпил ли он лекарство.

— Прости.

Ответа не было.

Сазонова убрала блокнот.

— Я оставлю вам номер. Любой звонок, сообщение — связывайтесь. Особенно если назовёт, где находится. Самим туда не ехать, сначала сообщить.

Елена спросила, можно ли сейчас найти его по телефону. Сазонова объяснила коротко, что проверка уже идёт, но показать точку на карте по одному нажатию она не может. Не обещала времени.

— А сегодня найдёте?

Сазонова посмотрела на неё.

— Сейчас я вам этого не скажу.

Елена опустила глаза. Анна пододвинула ей стакан.

После ухода Сазоновой они остались вдвоём. На кухне стало слышно холодильник. Компрессор включился с ударом, как будто внутри опрокинули маленькую кастрюлю.

— Папа хотел этот починить, — сказала Елена.

Анна повернулась.

— Ваш?

— Твой. Мамин. Говорил, у Марины холодильник скоро умрёт, а она не даёт трогать. Давно ещё.

Анна посмотрела на дверцу с отбитой ручкой.

— Работает пока.

— У папы всё пока работает.

Елена взяла с тарелки хлеб. Ела медленно, отщипывая маленькие кусочки.

— Он мне про квартиру не говорил, — сказала она. — Совсем. Я деньги ему предлагала после мастерской. Он отказался. Сказал, отложил.

Анна молчала.

— Я обрадовалась, — продолжила Елена. — У меня тогда муж ушёл. Миша болел. Я просто обрадовалась, что хотя бы за папу не надо думать.

Она положила хлеб на тарелку.

— Не говори, что я не могла знать.

Анна не собиралась. Она думала о том, сколько раз мама отвечала ей «всё нормально» и как охотно она заканчивала после этого разговор.

— Я тоже не спрашивала, — сказала она.

Елена посмотрела на неё без благодарности, но чуть спокойнее.

Телефон снова загорелся. Обе потянулись к своим.

Писали Анне.

«Аня, не пускай их в квартиру. Я вечером объясню».

Сообщение пришло от Ильи Андреевича.

Елена прочла с её экрана. Потом посмотрела на дверь, за которой ещё несколько минут назад стояла Сазонова.

— Кого не пускать?

Анна набрала этот вопрос и отправила.

Ответ появился почти сразу.

«Кто будет спрашивать про Марину».

Глава 5. Кто говорит за Илью

Денис нашёл батарейку на полу возле стула.

Маленькая, круглая, с жёлтой наклейкой. Он сначала принял её за таблетку. Поднял, повернул между пальцами и посмотрел на старика.

— Ваша?

Мельников сидел, положив руки на колени. Куртка была застёгнута до горла, хотя в комнате работал обогреватель.

— Что?

Денис показал батарейку.

— Для аппарата?

Старик протянул руку. Денис отдал. Мельников долго не мог снять наклейку, тёр её ногтем, сердился молча. Денис хотел помочь, но не решился.

В комнате были два стула, диван и стол с разбухшим краем. Раньше здесь ночевали охранники. Теперь ночная смена сидела в другом корпусе, а эту комнату использовали для перекуров, пока директор не запретил курить внутри. В углу осталась банка с окурками. Денис ещё утром вынес её, чтобы не пахло.

На диване лежало одеяло. Мельников им не накрылся. Всю ночь просидел, привалившись плечом к спинке. Денис видел это по тому, как старик поднимался в туалет: осторожно, одной рукой поддерживая другую.

— Поесть принесут, — сказал Денис.

— Я домой пойду.

Он сказал это негромко, глядя на батарейку.

— Сейчас Виктор Борисович приедет.

— Он вчера обещал.

— Я знаю.

— И утром.

Денис промолчал. В кармане вибрировал телефон. Он не стал доставать при старике.

— Мне дочери позвонить надо.

— Я передам.

Мельников наконец установил батарейку. Приложил ладонь к уху, повернул голову. Денис видел его взгляд: тот оценивал расстояние до двери.

Утром старик уже попытался выйти. Тогда в коридоре стоял Роман. Взял его под локоть, развернул, сказал: «Дед, не сейчас». Ничего страшного с виду. Денис сам так помогал бабушке разворачиваться на лестнице после операции. Но бабушка просила помощи.

Мельников посмотрел на Дениса.

— Ты дверь закрываешь?

— Там склад. Нельзя ходить.

— Я не про склад спрашиваю.

Денис отступил в коридор.

— Воды принесу.

Он закрыл дверь и постоял, держась за ручку. Тяжёлую щеколду Роман принёс вчера вечером: сказал, внутри защёлка не держит. Денис подавал инструмент, придерживал металл, крутил шуруп. Один вошёл в старое отверстие слишком легко; Денис ещё подумал, что ненадёжно.

Он опустил щеколду.

В коридоре пахло резиной. На стеллаже стояли коробки, стянутые плёнкой; одну распаковали, внутри были детские ботинки. Денис прошёл мимо, достал телефон.

Три пропущенных от Карпова. Одно сообщение: «Где планшет?»

Денис позвонил сам.

— У меня.

— Я сказал оставить в машине.

— Он разряжался.

— Ты фотографии убрал?

— Уведомление отозвал.

На другом конце стало тихо.

— Я не про уведомление.

— Там всё осталось в истории. Я не могу удалить историю. Можно только исправить задание.

— Ты утром говорил, можно.

— Я говорил, убрать из приложения. Я убрал.

Карпов медленно выдохнул. Денис представлял, как он стоит, прижав телефон плечом, и снимает с пальто невидимую нитку. Делал так, когда разговаривал с человеком, которому не хотел показывать раздражение.

— Она дома живёт, — сказал Денис. — Там вещи. Стол, коробки. Я не знал.

— Тебя спрашивали, живёт она или нет?

— В карточке было, что пусто.

— Тебя попросили закрыть техническое задание. Одно. Что сложного?

Денис посмотрел на закрытую дверь в конце коридора.

— Почему тогда чужое фото надо было ставить?

— Потому что иначе система не закрывает. Мы это обсуждали. Ты сказал, понял.

— Я понял, что квартира пустая.

— Денис.

Только имя. Дальше можно было не говорить: Карпов умел произносить его так, что Денис снова чувствовал себя школьником возле разбитого окна.

— Что теперь? — спросил он.

— Ничего. Я разбираюсь. Отдай планшет Роману. И не отвечай незнакомым номерам.

— Там полиция уже.

— Знаю.

— Откуда?

— Мне позвонили.

Карпов сказал это спокойно. Значит, не боялся. Денис попытался удержаться за это простое объяснение.

— Старик домой просится.

— Вечером решим.

— Ему лекарства нужны.

— Какие?

— Я не знаю.

— Тогда узнай. Ты взрослый человек или мне всё самому делать?

Связь оборвалась.

Денис положил телефон на коробку с ботинками. Его собственная куртка висела в машине, там же остался бумажник. В кармане толстовки было триста рублей и ключ от квартиры, которую он снимал с двоюродным братом. На прошлой неделе брат сказал, что с декабря будет жить с девушкой. Нужно искать другого соседа или съезжать.

Карпов обещал подкинуть постоянную работу. На объектах, сказал он, всегда есть что делать человеку с руками. До этого Денис работал у него за день, потом за неделю, потом стал

получать деньги, из которых сразу вычитали долг за повреждённую машину. Он уже давно не сверял сумму. Каждый раз выходило, что осталось немного.

Из комнаты донёсся стук.

Денис взял бутылку воды, открыл дверь.

Мельников стоял возле стула. В руке держал бумажку.

— Запиши, — сказал он. — Это номер дочери.

— У меня есть.

— Откуда?

Денис не ответил.

— Тогда позвони. Скажи, где я.

— Я не могу.

Мельников посмотрел на него. Долго, не сердясь. От этого было хуже.

Денис поставил воду на стол, отошёл к двери.

— Лекарства какие вам нужны?

Старик опустился на стул.

— У дочери спроси.

* * *

Анна переслала новое сообщение Сазоновой и сразу позвонила. Та ответила из машины, попросила прочесть точно, без пересказа.

— Не отвечайте пока, — сказала она. — Я свяжусь с вами.

Елена сидела рядом и смотрела на сахарницу.

— Почему про твою маму?

— Не знаю.

— Они дружили?

— Он приходил. Чинил что-нибудь. Когда мама болела, за продуктами ходил.

Елена кивнула. Анна подождала, но та больше ни о чём не спросила.

— Я приезжала не каждый день, — добавила она. — Он помогал.

— Я не спрашиваю, почему ты не приезжала.

Анна замолчала.

За окном разгружали хлеб. Водитель поставил ящик на край кузова и потянулся за следующим. Ящик медленно съезжал. Анна смотрела на него, не понимая, почему водитель не замечает. В последнюю секунду тот обернулся и придержал ногой.

Елена встала.

— Мне к сыну надо. Света до четырёх может.

Анна принесла её куртку. В прихожей Елена задержалась возле коробок.

— Ты всё это выбрасываешь?

— Часть отдаю. Часть ещё не решила.

В верхней коробке лежали шарфы. Елена коснулась зелёного, с короткой бахромой.

— Такой у мамы был.

— У твоей?

— Да. Они вместе покупали. Марина Павловна принесла, сказала: тебе идёт, бери, потом отдашь.

Анна не помнила этого. Её мама редко покупала вещи просто так; сначала долго выбирала, потом ругала себя за цену, потом носила десять лет. История с двумя шарфами казалась чужой.

— Возьми, если хочешь.

Елена убрала руку.

— Нет. Не сейчас.

Она ушла, взяв пакет с отцовскими продуктами. Молоко Анна оставила у себя, потому что пакет был тяжёлым, а Елене предстояло ехать с пересадкой.

В квартире стало непривычно тихо. Анна прошлась по комнатам. В спальне оставалась кровать с продавленным матрасом, в гостиной — низкий шкаф, который Павел хотел сразу отдать перекупщикам. Анна настояла, чтобы сначала разобрать содержимое.

В нижнем отделении были бумаги. Квитанции, гарантийные талоны, поздравления от профсоюза, рецепт торта на обороте заявления. Мама работала бухгалтером в небольшой организации, потом помогала знакомым с отчётами. Бумагу она уважала и не выбрасывала, пока на ней оставалось свободное место.

Анна достала папку с резинкой. Внутри — выписки по платежам, конверты, старые фотографии. Ничего, что объясняло бы сообщение.

На одном конверте стояла её фамилия. Не имя, именно фамилия, крупно: «ЛЕВИНА А. С.».

Внутри была копия перевода. Деньги, которые мама дала ей на залог за съёмную квартиру после расставания с Алексеем. Анна помнила, как отказывалась и как мама сказала: «Потом вернёшь». Потом не спросила ни разу.

Дата: октябрь две тысячи девятнадцатого.

Анна положила лист на колени. В тот год ей казалось, что жизнь почти закончилась. У Алексея нашлась другая женщина, общие друзья предпочли не выбирать сторону, а значит, выбрали его. Анна перевезла одежду в две спортивные сумки. Мама приехала, вымыла пол в новой квартире и оставила в холодильнике кастрюлю супа. После этого позвонила и спросила, хватает ли соли.

Она не спрашивала, зачем Анна прожила с ним восемь лет. Анна была ей благодарна именно за это.

Под переводом лежал лист, где мама своей рукой записала суммы. Даты, фамилии, пометки «получено», «вернуть». Анна узнала имя брата. Рядом — сто восемьдесят тысяч.

Про эти деньги она не знала.

Дальше были другие фамилии. Одну мама зачеркнула так густо, что ручка прорвала бумагу. Анна не стала разбирать. Вернула лист в папку, но через минуту достала опять.

Внизу было написано: «И. А. — за дверь 6800».

Ниже, другими чернилами: «Не за дверь».

Анна провела пальцем по строке. Чернила выцвели, но слова читались ясно.

Она вспомнила белую пыль на рукаве Ильи. Одиннадцать сантиметров у холодильника. Старый план.

Анна посмотрела на холодильник. Вернулась к записи, проверила соседние даты. По ним нельзя было понять, о какой двери шла речь.

Анна достала телефон и сфотографировала весь лист, не только нижнюю строчку.

Потом набрала Павла.

— Мама тебе деньги давала в девятнадцатом?

Он ответил не сразу.

— Давала.

— Сто восемьдесят?

— Да. А что?

— На что?

— Ань, это сейчас зачем?

Она услышала в его голосе то же самое, что слышала утром в диспетчерской: просьбу перестать задавать неудобные вопросы.

— Нашла запись. Хочу понять.

— На закрытие кредита. Я потом возвращал.

— Сколько?

— Не помню. Не всё сразу. У тебя там ведомость, что ли?

— Просто бумага.

Павел помолчал.

— Мне она говорила, что тебе тоже помогала.

Анна посмотрела на собственную копию перевода.

— Помогала.

— Ну вот. Мы теперь друг у друга отчёт требуем?

— Я не требую.

— Похоже.

Она положила папку на стол.

— Паш, мне от Ильи Андреевича написали, чтобы я никого не пускала, кто будет спрашивать про маму.

— Кто написал?

— С его телефона. Я не знаю, он ли.

Павел перестал спорить.

— В полицию передала?

— Да.

— Тогда ничего не трогай. Я приеду.

— Когда?

— После работы. Сейчас не могу.

— Хорошо.

Она уже собиралась закончить, когда он спросил:

— Ты сама-то ела?

Анна посмотрела на хлеб, оставленный Еленой.

— Сейчас поем.

— Это значит нет.

Павел сказал это маминым голосом, не замечая. Анна впервые за день улыбнулась.

* * *

Сазонова встретилась с Карповым в кафе возле отдела.

Он сам предложил приехать. Сказал, что не хочет никаких недоразумений, потому что с Ильёй Андреевичем знаком давно, а тот человек сложный. Сазонова записала это выражение, не выделяя его среди остальных.

В кафе пахло разогретым маслом. Карпов сидел у окна, перед ним стоял нетронутый кофе. Он встал, когда Сазонова подошла, и предложил что-нибудь заказать.

— Спасибо, не нужно. Вы сегодня Мельникова видели?

— Утром разговаривали.

— Лично?

— По телефону.

— А вчера?

— Встречались. Обсуждали освобождение помещения.

— Где встречались?

— Возле дома, потом в машине.

Сазонова положила телефон на стол. Согласовала запись разговора, получила ответ. Карпов смотрел спокойно. Рядом с чашкой лежал его собственный аппарат, экраном вверх.

— Куда поехали?

— В офис. Там были документы.

— Адрес?

Он назвал. Промышленная улица, складской комплекс. Сазонова уточнила корпус, помещение. Карпов сказал, что точный номер нужно посмотреть, потому что помещения недавно перенумеровали.

— После разговора куда Мельников делся?

— Уехал.

— На чём?

— Я не провожал. Мы не дети.

Сазонова смотрела на его руки. Ногти коротко подстрижены, кожа вокруг одного пальца ободрана до крови. Он время от времени прижимал этот палец к большому.

— Сам ушёл из офиса?

— Да.

— Кто это видел?

— Там люди работают. Уточню.

— Уточните сейчас.

Он взял телефон, пролистал контакты, позвонил. Назвал собеседника по имени, Роман. Спросил, видел ли тот, как Илья Андреевич уезжал.

Сазонова не слышала ответа. Карпов сказал: «Понял», отключился.

— Он раньше уехал. Я выясню у остальных.

— Номер Романа запишите, пожалуйста. С ним тоже поговорим.

Карпов записал на обороте чека. Почерк был мелким, аккуратным.

— А что случилось-то? Дочь паникует?

— Дочь не может связаться с отцом. Телефон отвечает сообщениями, голос она не слышала. Квартиру освободили ночью. Он не предупредил, что отменяет сегодняшний визит к внуку.

— С дочерью у них свои отношения.

— Какие?

Он пожал плечами.

— Он жаловался, что места ему нет. Может, решил переждать, не хочет разговаривать.

— Где переждать?

— Откуда мне знать?

Официантка подошла забрать соседние тарелки. Карпов отодвинулся, чтобы пропустить её, и на секунду перестал смотреть на Сазонову. Та увидела, как он сжал телефон в ладони.

— У вас есть доступ к его телефону? Пароль знаете?

Карпов повернулся.

— Нет. С чего вы взяли?

— Вчера телефон его держали?

— Возможно. Он показывал переписку. Я не запоминаю каждое движение.

— Документы какие подписывали?

Он достал из портфеля копии. Сазонова просмотрела, не комментируя. Дата стояла вчерашняя. Подпись Мельникова — внизу, рядом с напечатанным текстом об освобождении квартиры.

— Оригинал где?

— У собственника. У меня копия для работы.

— Кто присутствовал при подписании?

Карпов назвал ещё одного человека, затем добавил, что тот мог выйти в соседнее помещение. Сазонова попросила точнее. Он сказал, что уточнит.

За окном остановился автобус. Люди выходили, поднимая воротники. Карпов проводил взглядом пожилого мужчину с тележкой.

— Понимаете, я ему семь лет помогал. После продажи разрешили жить. Продлевали, входили в положение. Теперь объект надо реализовать. Я крайний, потому что занимаюсь организацией.

— Кто вынес вещи?

— Бригада. По договорённости с ним.

— Где вещи сейчас?

— На хранении.

— Адрес?

Он назвал другой корпус того же комплекса. На этот раз без паузы.

Сазонова записала. Спросила про Дениса.

Карпов посмотрел на часы.

— Работает иногда. Технические задания, контроль. Он что-то сделал?

— Отправил фотографию сорок восьмой квартиры в карточку сорок седьмой.

Карпов нахмурился.

— Значит, ошибся. Я попрошу исправить.

— Вы поручали закрыть осмотр сорок седьмой?

Он впервые не ответил сразу.

— Я много чего поручаю. Надо посмотреть переписку.

— Посмотрите.

Он разблокировал телефон. Сазонова ждала. Над барной стойкой телевизор показывал рецепт супа; повар без звука опускал в кастрюлю огромный пучок зелени.

Карпов пролистал переписку и положил аппарат экраном вниз.

— Там рабочие сообщения, сведения клиентов. Я подготовлю то, что касается вашего вопроса.

— Хорошо. Сегодня когда?

— К вечеру постараюсь.

Сазонова попросила прислать сообщения до шести и записала, по какому номеру с ним связаться. Карпов кивнул. Когда она встала, он снова поднялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.